

СГУЩАЯ КРАСКИ Вех. Москва. -1996. -24 сен. -с.7

Особый путь к спасению

**«То, что стоит, то рушится,
Что родится, то умрет,
Кто смеется, тот плачет,
Велик лишь Бог...»**

Я

Выставки Валерия Беленикина предваряются обыкновенно таким эпиграфом, автором которого является сам художник.

Столь по-эпиграфически стройный словесный пролог заставляет ожидать, казалось бы, образы прекрасные. Однако здесь расчет от обратного. «Я добиваюсь чувства отвращения», — определяет художник неожиданность своего изобразительного кредо. И достигает этого вполне.

Меж тем целью искусства не может служить разжигание нездорового инстинкта любопытства к безобразному. Это удел столпившихся зевак при виде раскрошенного трамвая.

Назначение искусства непреходяще — оно в эстетическом месси-

анстве. Но единственно верного пути к Спасению нет. Для каждого — особый. Где у истока Античность — с чистым воспеванием Красоты.

Но как быть с иными, избегающими света и в диком хохоте заставляющими его от страждущего?.. К таким приложимо их же орудие — осмеяние.

Сатира — издревле сокрушающий снаряд реформаторов, в том числе в искусстве. В живописи этот стилистический прием был подчеркнuto представлен немецкими экспрессионистами: Гросс, Дикс. Неприятие образов художника обозначено резкой какофонией линий и цвета.

В отличие от них картины Беленикина вызывают привкус скотского насыщенно-приторным, доходящим до декоративного, изображением плоти. При выписывании ткани живой материи художник сознательно «сгущает краски» в переносном и прямом значениях. Тяже-

лой телесной грудой задавлены все прочие субстанции, из которых должен состоять по сути Человек.

Из изобразительной манеры неизбежностью вытекает предпочитаемый художником жанр — карикатура. На полотнах его — фантазматическая, где не люди совершают осмысленные действия, а марионетки послушно разыгрывают роли в непридуманном спектакле. Вместо живых глаз со сцены смотрят существа с перекошенными от безобразия лицами. «Солидность» персонажей подчеркнута «значительностью» дел. Они погружены в: пустословие, еду, похоть... Художник взрывает стену борделя. Эти картины, как шоковая терапия для темного мира, который кончится «не взрывом, но взвизгом» (Томас Элиот). По определению художника, впечатление от произведений должно быть полным коэффициентом минус.

Социально герои также не

аморфны. Это приподнявшиеся выше «среднего» на придуманной ими же лестнице общественного благополучия, от чего уродливость еще более обостряется. Изображения приобретают эффект кривого зеркала, когда первый, неосознанный, жест — разбить вдребезги дикий оскал. Но следующий — не явиться прообразом сего уродства.

Композиции картин — как бы случайно выхваченный кадр из спектакля жизни. Однако кадр оказался кульминационным. Поэтому фигуры максимально откровенны в своей наготы, но в то же время не являются простым списыванием действительности, а фантастическим сгустком. Сцена высвечивается укрупненными деталями, значимыми не физическими размерами, а по сути своей. Художник апеллирует к сознанию зрителя. Можно кучу мусора убрать, а можно загородить ширмой. Картины Беленикина обращены к первым.

Меж тем есть и другие работы. Натюрморты, портреты чисты и красивы. Красота не отстраненная, но выстрадавшая и одержавшая верх над злом. Но этот этап в творчестве художника только начинается.

Юлия МУСАТОВА